

Д. В. ТИМОФЕЕВ

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРИНЦИПЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматриваются методологические основания истории понятий в контексте решения проблемы адекватного понимания прошлого, зафиксированного в текстах исторических источников. Проведен анализ основных проблемно-тематических направлений в современной историографии, в рамках которых исследователи обращаются к методологии истории понятий. На основе интеграции основных положений немецкой и англосаксонской школы «истории понятий», автором предложены принципы проведения конкретно-исторических исследований по истории России.

Ключевые слова: *история понятий, методология истории; история общественной мысли; Р. Козеллек, К. Скиннер, история России*

Основным информационным каналом, позволяющим изучить историю письменных обществ является текст исторического источника. Созданный в процессе сознательной деятельности человека, он всегда отражает с одной, стороны субъективные взгляды, предпочтения, оценки и целевые установки его автора, а с другой – фиксирует различные аспекты политической и экономической реальности, особенности социокультурной среды в определенный исторический период. В современном источниковедении существует целый ряд принципов и методов работы с историческими источниками, позволяющие, с учетом особенностей их социальной функции и внутренней структуры, реконструировать процесс создания текста, степень субъективности и достоверности изложенной информации. При этом внимание историков концентрируется, преимущественно, на истории создания текста и его содержании, отражении в нем событий, процессов, позиций автора по различным вопросам.

Такой алгоритм источниковедческого анализа, безусловно, продуктивен, но может оказаться недостаточным в случае невнимательного отношения исследователя к языку изучаемой эпохи, к тому, какое значение имели ключевые для понимания авторского замысла слова и словосочетания. Одни из них могли со временем исчезать и оказываются незнакомыми современному человеку, другие – дополнялись новыми, ранее не существовавшими смысловыми акцентами. Например, понятие «конституция» первоначально было политически нейтральным и использовалось в значении «сложение», «состав», «строение тела», а

с помощью понятия «революция» обозначался «кругооборот планет». Только со второй половины XVII–XVIII вв. в странах западной Европы, а позднее и в России, эти понятия приобретают близкое, но все-таки, полностью нетождественное современному политическое значение. Еще сложнее дело обстоит с понятиями, которые активно используются исследователями для описания прошлого, но возникли они не в изучаемое время, а гораздо позднее. В таком случае происходит осовременивание языка прошлого, что неизбежно приводит к искажению исторической реальности. Яркой иллюстрацией такого рода осовременивания может служить, например, некритическое использование понятия «реформа» применительно к преобразованиям XV–XVI вв., когда еще не сформировалась идея прогрессивного, последовательного и сознательного изменения социально-экономических процессов и политических институтов¹. В конечном итоге, некорректное использование понятий приводит к нарушению базового принципа любого исторического исследования – принципа историзма.

Теоретико-методологические основы истории понятий

Все сказанное обуславливает необходимость обращения к методологическим установкам *истории понятий*, провозглашающей, что адекватное познание истории общества возможно только в том случае, если исследователь понимает язык прошлого, те понятия, которые использовали современники изучаемой эпохи для выражения своих представлений и обоснования практических действий. При этом перед историком стоит задача изучения не истории слов, а изменений смыслового наполнения ключевых для понимания мировосприятия человека прошлого понятий. Принципиальное отличие понятия от слова выражается в его теоретической, концептуальной «нагруженности». С помощью понятий индивиды обозначают не конкретные объекты, а выражают свои представления о прошлом и настоящем окружающей их социальной реальности, а также перспективах общественного развития. Именно поэтому, по мнению Р. Козеллека, «значения слов могут быть достаточно точно определены, тогда как понятия можно только интерпретировать»². В XIX в. к такого рода понятиям, например, относились понятия «государство», «свобода», «закон», «конституция», «просвещение», «революция» и т.п. Отсутствие у понятия четко определенного смыслового содержания, возможность его корректировки в зависимости от целей и контекста употребления, обуславливает использование понятий в про-

¹ См. подробнее: Кром, Пименова 2013. С. 7–14; Кром 2013. С. 116–117.

² Цит. по: Бёдекер 2010(а). С. 42.

цессе конкурентной борьбы между различными общественными группами и идеологиями. В данном контексте история понятий может рассматриваться не в качестве самостоятельного предмета изучения, а как особый метод работы с историческими источниками, позволяющий исследовать эволюцию общественного сознания и связанные с ней изменения в политической, социально-экономической и духовной сферах.

На сегодняшний день в современной зарубежной историографии «истории понятий» сложилось *два основных направления*: немецкая школа *Begriffsgeschichte* и англосаксонская *History of Concepts*³. Идеи-основы первого направления были сформулированы в ряде теоретических работ Р. Козеллека⁴, который был одним из руководителей (совместно с О. Брунером и В. Конце) проекта по написанию «Исторического лексикона социально-политического языка в Германии», объединившего усилия нескольких десятков немецких историков⁵.

Р. Козеллек отмечал, что «все ключевые слова политического или социального языка имеют многослойную темпоральную внутреннюю структуру и отсылают к современным реальностям либо в прошлое, либо в будущее», а, следовательно, «... значение понятия может представлять собой смешение прошлого опыта, современной реальности и ожиданий от будущего»⁶. Наличие в содержании социально-политических понятий разнонаправленных «временных слоев», составляющих «пространство опыта» (*Erfahrungsraum*) и «горизонт ожиданий» (*Erwartungshorizont*), обусловлено изменениями в политической, социальной, экономической и культурной сферах. Благодаря этим изменениям социально-политические понятия приобретали многозначность и становились не только инструментами описания наличной действительности, но и способом выражения представлений о том, каким должно быть общество в будущем.

Таким образом, принципиально важными для последователей немецкой школы истории понятий являются категории «пространство опыта» и «горизонт ожиданий». Значение категории «пространство опыта», в соответствии с тем, как оно представлено в работах Р. Козеллека, можно выразить с помощью словосочетания «современное прошлое». Оно включает в себя, с одной стороны, исторически сло-

³ См. подробнее о сходствах и отличиях *Begriffsgeschichte* и *History of Concepts*: Дмитриев 2004; Копосов 2006; Роцин 2006; 2009; Дубина 2010; Бёдекер 2010; Миллер, Сдвижков, Ширле 2012.

⁴ См.: Козеллек 2004, 2004(а); 2006; 2010.

⁵ См.: *Geschichtliche Grundbegriffe... 1972–1993*.

⁶ Козеллек 2010. С. 27.

жившиеся, полученные от предшествующего поколения знания, а с другой, – сформированные в результате повседневной практики представления о том, каким образом может действовать индивид в условиях окружающего его социума.

Несколько другое наполнение в содержании социально-политических понятий имеет «горизонт ожиданий», который в большей степени отражает не реальность, а своеобразный проект ближайшего будущего⁷. Однако «горизонт ожиданий» не является полностью оторванным от реальности, напротив – в большинстве случаев, проекции будущего возникали как результат либо критики окружающей действительности, либо стремления закрепить и продолжить позитивные тенденции в развитии общества.

Со второй половины XVIII в. в Европе, как и в России, основные социально-политические понятия все чаще использовались для описания идеальных моделей будущего. Данная тенденция была тесно связана с формированием в общественном сознании нового понимания истории как процесса, результат которого не предопределен заранее, а зависит от деятельности людей⁸. Отсутствие предопределенности, признание возможности сознательной корректировки процесса развития общества стало философским основанием для появления не только множества проектов преобразований, но и напротив – трактатов, доказывавших опасность и нецелесообразность проведения сколько-нибудь масштабных изменений в политической и социально-экономической сфере. Однако в обоих случаях описание позиции авторов происходило с помощью одних и тех же социально-политических понятий.

Предложенный Р. Козеллеком тезис о существовании в структуре понятия двух временных горизонтов, на мой взгляд, может стать эффективным инструментом в конкретно-исторических исследованиях. Например, в работе по истории общественной мысли России первой четверти XIX в. «пространство опыта» может быть представлено пространственными с XVIII в., и очевидными для современников к началу XIX в., значениями понятий «свобода», «рабство», «государство», «закон», «конституция», «гражданин», «гражданские права», «собственность», «революция» и «просвещение», которые неоднократно воспроизводились в предшествовавшем законодательстве, в словарях и учебных программах для начальных и средних учебных заведений⁹.

⁷ См.: *Kosellek* 1989. S. 354.

⁸ *Козеллек* 2004. С. 233.

⁹ См. подробнее: *Тимофеев* 2011.

Соответственно «горизонт ожиданий» – это фиксируемые с помощью этих же понятий представления о перспективах развития страны, целях, принципах и методах решения наиболее актуальных социально-экономических и политических проблем. В письменной форме «горизонт ожиданий» был представлен в проектах реформ, докладных записках, программных документах тайных обществ, воззваниях и прокламациях, материалах периодической печати, переведенных на русский язык работах европейских экономистов и правоведов, научно-публицистических работах российских авторов, а также в учебных пособиях для высших учебных заведений.

Несколько позднее, чем немецкая *Begriffsgeschichte*, в англо-американской научной литературе был сформирован *второй подход* к исследованию различных аспектов общественного сознания посредством обращения к истории понятий – *History of Concepts*. Большое влияние на его становление оказала философия Джона Л. Остина и Джона Серля, чьи теории языковых актов (*Speech Act*) связывали как устные высказывания, так и зафиксированные в письменной форме проявления языковой активности людей с их действиями¹⁰. Такой подход к изучению истории политической мысли представлен работами Дж. Покока¹¹ и К. Скиннера. По их мнению, политический язык нужно рассматривать одновременно и как средство коммуникации, и как целенаправленное политическое действие. В этой связи текст следует изучать в тесной взаимосвязи с теми субъективными целями, которые преследовал его автор. Аргументируя данное утверждение, Скиннер, писал: «Чтобы понять тексты, помимо прочего, мы должны воссоздать интенции, с которыми они создавались, а следовательно, должны понять, какое *действие* совершали их авторы посредством написания этих текстов»¹². Таким образом, основным предметом *History of Concepts* является не столько собственно значения отдельных понятий, сколько способ их использования в тесной взаимосвязи с различными нормативно-ценностными и политическими установками. Язык рассматривается как средство формирования и выражения общественного сознания в тесной взаимосвязи с практическими действиями людей, мотивы совершения и результаты которых были зафиксированы в словесно-письменной форме.

Следуя методологическим установкам *History of Concepts*, при работе с текстом исторического источника исследователь должен об-

¹⁰ См.: Остин 2006; Хархордин 2012. С. 7–23.

¹¹ Росок 1972.

¹² Скиннер 2004. С. 65.

ращать внимание не только на то, что хотел выразить автор текста, но и с помощью каких смысловых акцентов он подчеркивал свое отношение к чему-либо, а также на какую реакцию современников рассчитывал. Именно поэтому создание текста и его идейная направленность изучаются как практическое коммуникативное действие, нацеленное на выражение своей позиции или обоснование необходимости совершения каких-либо поступков.

В рамках конкретно-исторических исследований по истории общественно-политической мысли дореволюционной России в качестве коммуникативных действий могут рассматриваться: написание статьи в журнал или газету; выступление с публичной речью; составление проекта преобразований, прокламации, завещания; обращение с судебным иском в соответствующие инстанции или всеподданнейшим прошением на имя императора; организация официально разрешенного или тайного общества, программные установки которого формулировались с помощью исследуемых понятий.

Российская история и историография истории понятий

На сегодняшний день история понятий динамично развивается, о чем свидетельствуют многочисленные конференции¹³ и сборники статей¹⁴. Применительно к истории России сложилось несколько проблемно-тематических направлений, в рамках которых историки используют различные элементы методологии истории понятий.

¹³ В 2008 г. в Институте всеобщей истории РАН в рамках конференции «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век» – круглый стол: «Историческая семантика: к 85-летию со дня рождения Р. Козеллека»; в 2009 г. в Смольном институте свободных искусств и наук при СПбГУ – научная конференция «Begriffsgeschichte(n). History of Concepts in Comparative Perspective»; 23–24 октября 2009 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова (ИРЯ РАН) – конференция «Эволюция понятий в свете истории русской культуры»; 23 марта 2009 г. (РГГУ, Европейский университет в Санкт-Петербурге) – «круглый стол» «История понятий: практики исследования и инструментализации»; 29 марта 2010 г. в РГГУ – конференция «Теория и методология гуманитарного знания: история понятий»; 22–24 апреля 2010 г. в Германском институте в Москве – конференция «Общественно-политическая сфера в России от Петра I до 1914 г. История ключевых понятий и концепций»; 16–18 сентября 2010 г. (РГГУ, ГИИ в Москве, Европейский ун-т в Санкт-Петербурге) – международная конференция «История понятий: концепты, метафоры, дискурсы».

¹⁴ Понятие государства в четырех языках. 2002; Исторические понятия и политические идеи в России... 2006; Очерки исторической семантики русского языка. ... 2009; История понятий, история дискурса, история метафор. 2010; Эволюция понятий в свете истории русской культуры. 2012; «Понятия о России»... 2012.

К *первому* из них относятся исследования по истории культуры и формирования национальной идентичности. В рамках этого, условно выделяемого направления, можно назвать работы А. Миллера, В. Рикардо, Ш. Вальтера, В. Тольц¹⁵, И. Ширле¹⁶ об особенностях эволюции понятий «империя», «народность», «нация», «раса», «Отечество», «сын Отечества», «патриот». Исследовательское поле *второго направления* связано с изучением социальных процессов и структур. Заметное место в ряду таких исследований занимают работы Г. Фриз¹⁷, который на примере понятия «сословие» убедительно аргументировал необходимость тщательного анализа того, что подразумевали современники изучаемого времени, используя различные социальные категории, а также ряд статей И. Ширле, М.Б. Велижева, О.Б. Леонтьевой о понятиях «класс», «средний класс», «третий чин»¹⁸.

Внимание исследователей *третьей проблемно-тематической группы* привлекает процесс формирования государства и его отражение в языковой практике. Ярким примером такого подхода является сборник статей «Понятие государства в четырех языках»¹⁹, в котором опубликованы работы Кв. Скиннера, Д. Кола, Т. Пуллкинен и О. Хархордина. Не менее интересной представляется работа М.М. Крома²⁰, посвященная анализу изменений смыслового значения понятия «государство» в тесной взаимосвязи с важнейшими социально-политическими процессами в России XVI в., а также статья К. Ингерфлома²¹ о некорректной трактовке в историографии понятия «государство» применительно к первой четверти XVIII в.

Четвертое направление охватывает широкий спектр вопросов по истории общественной мысли, эволюции взаимоотношений власти и общества в России. Интерес к данной проблематике проявился с начала 1970-х гг. в рамках исследований по истории отдельных слов и словосочетаний. Наиболее значимыми в этот период времени можно назвать работы А.А. Алексеева и Р.А. Будагова об эволюции смыслового значения понятий «гражданин» и «гражданское общество» в России²². В со-

¹⁵ См. например, статьи Миллера, Рикарда, Вальтер, Тольц в сборнике статей «Понятия о России»... Т. 2. 2012. С. 7–49, 50–70, 71–98, 145–193; Миллер 2009.

¹⁶ См., например: Ширле 2006; Schierle 2007.

¹⁷ Фриз 2000.

¹⁸ См.: «Понятия о России»... Т. 2. 2012. С. 225–293.

¹⁹ См.: Понятие государства в четырех языках. 2002.

²⁰ Кром 2006.

²¹ Ингерфлом 2012.

²² Алексеев 1972; Будагов 1971.

временной отечественной историографии приверженность методологическим установкам истории понятий отчетливо прослеживается в работах Е.Н. Марасиновой²³. Проведенный ею анализ ряда понятий, определяющих репрезентацию образа монарха, представления власти о роли дворянства и социальной структуре российского общества, убедительно показал механизм формирования двойственности в сознании представителей дворянской элиты последней трети XVIII в.

В рамках исследования различных общественно-политических процессов XVIII–XIX вв. история понятий «закон», «конституция», «свобода», «рабство», «общество», «гражданское общество», «гражданский долг», «общественное мнение» представлены в работах Т.В. Андреевой, В.Я. Гросул, М.А. Киселева, Т.Н. Жуковской²⁴. Достаточно результативным представляется использование методологии «истории понятий» для реконструкции мировоззрения декабристов²⁵.

В общем виде, обозначенные выше исследовательские проблемы, конечно, не исчерпывают эвристический потенциал методологии истории понятий. В более широком теоретическом контексте она может стать необходимым инструментом при исследовании процесса «заимствования понятий» и выявления культурных механизмов «переводимости» политических идеологий из одной социокультурной среды в другую, «трансфера» и адаптации европейских идей в России. Важность проведения такого рода исследований обусловлена тем, что они позволят выявить не только особенности в трактовках заимствованных извне экономических и политических теорий, но и определить, как российские подданные, используя одни и те же социально-политические понятия, обосновывали свои разнонаправленные практические действия.

Методология истории понятий и принципы конкретно-исторического исследования

Широкий спектр применения теоретических оснований современной «истории понятий» обуславливает необходимость выработки четких принципов проведения конкретно-исторических исследований посредством интеграции взаимодополняющих друг друга методологических установок *Begriffsgeschichte* и *History of Concepts*. Отправной точкой в процессе выработки такого рода принципов следует рассмат-

²³ Марасинова 1999; 2008.

²⁴ Андреева 2007. С. 7–22; Гросул 2003. С. 50–71; Киселев 2012; Жуковская 2002.

²⁵ Бокова 2008; Одесский 2008; Каменев 2013.

ривать практические вопросы, возникающие перед историком при постановке проблемы и формировании источниковой базы исследования.

Один из таких вопросов связан с определением критериев для формирования комплекса исследуемых понятий. Необходимость выработки таких критериев обусловлена тем, что в языковой практике одно понятие не существует изолированно от другого. Более того, в зависимости от контекста и позиции автора, смысловое наполнение понятия может корректироваться с помощью использования других понятий. Так, например, в начале XIX в. корректировка либерального принципа личной свободы в России происходила посредством употребления понятий «просвещение», «закон» и «государство», с помощью которых аргументировался тезис о том, что объем и границы «свободы» должны устанавливаться государством дифференцированно для каждой сословной, и даже внутрисословной, группы²⁶.

В данном контексте изучение только понятия «свобода» не позволит выявить весь спектр общественно-политических настроений. Следовательно, важнейшим принципом использования методологии истории понятий должен быть *принцип системности*, базирующийся на признании существования логических и ассоциативных взаимосвязей между ключевыми социально-политическими понятиями, которые могут использоваться людьми для выражения отношения к различным явлениям окружающей их действительности. Наличие взаимосвязей, по мысли Р. Козеллека, неизбежно приводит исследователя к констатации того, что «...писать историю отдельных, изолированных понятий весьма сложно и даже невозможно»²⁷. Следуя данной логике, Х.Э. Бёдекер отмечал: «...история понятий в качестве истории познания посредством языка, должна постоянно принимать во внимание наличие связей между различными понятиями. Не одно отдельное понятие является предметом устремлений истории понятий, а весь понятийный аппарат, со всеми его внутренними взаимосвязями»²⁸. Реализация принципа системности в конкретно-исторических исследованиях возможна при условии выдвижения историком четких критериев, в соответствии с которыми происходит формирование комплекса исследуемых понятий. Одним из таких критериев, на мой взгляд, может быть включенность понятия в семантическое поле какой-либо экономической или социально-политической проблемы.

²⁶ См.: Тимофеев 2011. С. 192–228, 366–404, 442–453.

²⁷ Козеллек 2010. С. 21, 26.

²⁸ Бёдекер 2010(а). С. 45.

Второй вопрос, неизбежно возникающий перед исследователем – какие тексты привлекать для выявления существовавших в изучаемое время значений и контекстов употребления понятий? При обращении лишь к текстам «великих исторических персонажей» может возникнуть иллюзия, что их авторы, используя основные социально-политические или экономические понятия, отражали общепринятые значения и контексты. Конечно для того, чтобы идеи были услышаны, выдающиеся люди своего времени должны были употреблять уже известные современникам понятия, но при этом они могли наделять их и новыми коннотациями. Данное обстоятельство предопределяет недостаточность привлечения в рамках истории понятий произведений только известных авторов, а, следовательно, и необходимость выдвижения еще одного важного принципа истории понятий – *принципа жанрового многообразия используемых текстов*. В конце 1960-х гг. К. Скиннер в докладе «О маловажности великих текстов» подчеркивал, что для понимания смысла, заложенного в тексте, «...совершенно недостаточно сколь угодно пристального чтения отобранных “значимых” трудов “великих” авторов, а требуется радикальное расширение как набора изучаемых текстов, так и круга их создателей, включая сюда словари, толковники, пособия и прочую “подручную” литературу той или иной эпохи»²⁹.

В конкретно-исторических исследованиях использование инструментария истории понятий предполагает привлечение широкого круга исторических источников, авторами которых могли быть как известные, так и неизвестные авторы, поскольку принципиальное значение имеет не степень влияния автора на общественное мнение, а сам факт использования в различных контекстах исследуемых понятий. Источниками информации для историка могут быть законодательные акты, словари и учебные пособия, докладные записки, материалы периодической печати, проекты реформ и программные документы официальных и тайных обществ, мемуары, частная переписка и др. Такой комплексный подход к формированию источниковой основы исследования позволяет выявить различные оттенки социально-политических настроений, а также особенности трактовок политических принципов в разных социальных средах.

Наряду с необходимостью определения критериев отбора понятий и выработки принципов формирования комплекса источников, еще один важный вопрос – о возможности применения в рамках конкретно-исторических исследований таких основополагающих катего-

²⁹ См.: Дмитриев 2004. С. 11, 12.

рий Begriffsgeschichte как «пространство опыта» и «горизонт ожиданий». Способность основных социально-политических понятий отражать эволюцию общественного сознания, фиксируя изменение значений и контекстов их употребления современниками, обуславливает необходимость реализации *принципа сочетания синхронного и диахронного подхода*. По мнению Р. Козеллека, совмещение, «синхронического» и «диахронического» подходов, помогает «...увидеть появляющиеся расхождения между старыми значениями слова, относящимися к некоторому исчезающему факту, и новым содержанием этого же самого слова»³⁰. Данный принцип предполагает, с одной стороны, изучение изменений содержания понятия в исторической ретроспективе, а с другой – сопоставление того, какие значения имело понятие, и в каких контекстах его употребляли современники в рамках относительно непродолжительного временного периода, который хронологически охватывал жизнь одного-двух поколений.

Рассмотрим возможность совмещения диахронического и синхронического подхода на примере сравнения смысловых значений понятия «гражданин», распространенных со второй половины XVIII в., с теми значениями и контекстами употребления, которые использовались в текстах первой четверти XIX века. Результатом сравнительного анализа может стать выявление одновременно существовавших и конкурирующих друг с другом значений, отражавших знания человека об окружающей индивида социальной реальности и приемлемых нормах поведения («пространство опыта»), и представлений о перспективах развития общества («горизонта ожиданий»).

Во второй половине XVIII века понятие «гражданин» имело политически нейтральное содержание и употреблялось, прежде всего, для обозначения городских жителей. В «Грамоте на права и вольности городам Российской Империи» «гражданином» назывался любой житель города, имевший в нем недвижимую собственность или постоянное занятие и записанный в «городскую обывательскую книгу»³¹. Одновременно с принадлежностью к городским жителям, понятие «гражданин» употреблялось и для обозначения более узкой социальной группы «именитых граждан», в состав которой входили жители города, обладавшие выдающимися способностями, высоким уровнем образования, или большим денежным капиталом³². В начале XIX века политически

³⁰ Козеллек 2004(а). С. 114.

³¹ Полное собрание законов Российской империи... С. 363.

³² Там же. С. 364, 381–382.

нейтральное значение слова «гражданин» было воспроизведено в одном из наиболее известных словарей того времени – «Словаре Академии Российской». Составители объясняли читателям значение слова «гражданин» так: «Гражданин – городской житель, обитатель»³³.

Одновременно с отождествлением гражданина с городским жителем в конце XVIII – начале XIX в. было распространено и более широкое по смыслу значение: «гражданин» – это еще и соотечественник, житель страны, подданный, вне зависимости от места проживания и сословной принадлежности. В таком обобщенном значении слово «гражданин» многократно употреблялось в учебных пособиях и публичных речах, произносимых на торжественных собраниях различных «официозных» и «вольных» обществ³⁴.

По мере знакомства образованной части российского общества с произведениями А. Смита, Ч. Беккариа, Д. Дидро, Ш. Монтескье и др. европейских авторов, понятие «гражданин» приобретает дополнительные коннотации и все чаще употребляется в юридическом контексте: гражданин – это не только человек, проживающий на территории города или страны, но и субъект правоотношений, обладающий «гражданскими правами». С приходом к власти ориентированного на европейские либеральные ценности императора Александра I, перспектива «восстановления силы закона» и провозглашения «гражданских прав» стала неотъемлемой частью «горизонта ожиданий» представителей образованной части российского общества.

Сравнительно-контекстуальный анализ источников, в которых употреблялось словосочетание «гражданские права», позволяет утверждать, что оно использовалось для обозначения целого комплекса характеристик, описывающих идеальную модель взаимоотношений, как между гражданами, так и между ними и государством. В полном соответствии с европейскими идейными основами признавалась необходимость законодательного закрепления прав граждан на «безопасность лица и имущества», «свободу мыслить и рассуждать», «право свободного исповедания религии», «свободу печати» («тиснения»)»³⁵. Однако в процессе осмысления либеральных европейских теорий и практического опыта, произошел синтез традиционного и заимствованного значения понятия «гражданин», обусловивший формирование представлений о

³³ Словарь Академии Российской... Стб. 1233.

³⁴ См.: *Каразин* 1813. С. 3–35; Начертание статистики российского государства... С. 38, 51.

³⁵ См., напр.: *Куницын* 1818. С. 57–59, 65; *Герман* 1809. С. 104–105; 1806. С. 81–82; *Каченовский* 1805. С. 199–204.

том, кто, по каким критериям и в каком объеме мог быть наделен «гражданскими» и «политическими правами». Своеобразие этих представлений заключалось в установлении логических и ассоциативных связей либеральных концептов «гражданин» и «гражданские права» с ориентированными на патерналистские ценности принципами³⁶.

Во-первых, в текстах российских авторов категория «гражданские права» содержательно была связана с «правом» как системой юридических отношений и, одновременно, с целым комплексом морально-этических качеств «истинного гражданина». Дополнительным подтверждением существования взаимосвязи «права» и «нравственности» был хорошо известный современникам тезис о том, что «законы» каждой страны должны соответствовать «нравам народов», её населяющих. В результате бесспорным и безусловно справедливым был признан принцип постепенного, последовательного наделения российских подданных «гражданскими» и «политическими правами» в соответствии с присущими каждому сословию «нравственными качествами». С позиции образованного российского подданного, подобная логика не противоречила теоретическому равенству «общих гражданских прав». При этом авторы отмечали, что в сложившихся условиях «политические права» следует рассматривать лишь как «отличительные преимущества и выгоды» наиболее просвещенной части российского общества.

Во-вторых, обязательным условием для реализации «гражданских прав» было признано существование сильного и «благоустроенного государства», которое главной целью считало бы обеспечение личной и имущественной безопасности своих «граждан». Категория «гражданские права» оказывалась связанной не только с «нравами», но и с «силой», способной предотвратить нарушение законных прав граждан и осуществлять функцию независимого арбитра в конфликтах между частными лицами. Одновременно с этим государство было признано единственным субъектом, способным адекватно оценить нравственные качества «граждан», осуществить необходимую дифференциацию «гражданских» и «политических прав», а также установить «справедливые законы». Наличие у государства всех перечисленных возможностей предопределяло правило, в соответствии с которым инициатива предоставления российским подданным каких-либо «прав» и «свобод» может исходить только от государства. Все это в совокупности оказало большое влияние на процесс выработки общих подходов к решению крестьянского вопроса и дальнейшей политической модернизации.

³⁶ Тимофеев 2009. № 5. С. 98–107; 2010. С. 20–29.

Таким образом, сопоставление синхронного и диахронного принципа позволило реконструировать процесс эволюции политически нейтрального значения понятия «гражданин» и возникновения новых смысловых акцентов, которые сделали его важным инструментом в идеологических спорах между сторонниками либеральных и патерналистских ценностей в России первой четверти XIX века.

Следующая важная проблема, которая неизбежно встает перед исследователем, использующим методологические установки «истории понятий», связана с необходимостью сочетания истории языковых практик со сложившейся в изучаемое время социально-экономической и политической реальностью. Решение этого вопроса, на мой взгляд, возможно посредством реализации *принципа контекстуализации*, в соответствии с которым «историю понятий» следует изучать как «историю взаимосвязей... с исторической действительностью»³⁷. Такая взаимосвязь с действительностью должна быть представлена не на уровне характеристики общего положения в стране, а посредством выявления того, какими мотивами руководствовался автор исторического источника, какую цель он преследовал, и на какую реакцию современников мог рассчитывать, используя в тексте основные социально-политические понятия³⁸. С этих позиций процесс создания текста и общественная реакция на его появление рассматривается как целенаправленное практическое действие.

В качестве примера проявления политической активности, выраженной в письменной форме, можно рассматривать листовки с переведенными на русский язык выдержками из текста конституции Царства Польского, которые нелегально распространялись на территории Минской губернии весной-летом 1815 года. Одна из таких листовок попала в распоряжение полиции и была отправлена в письме Минского гражданского губернатора главнокомандующему Санкт-Петербурга. Внутренняя структура этого небольшого по объему (примерно 1,5 листа рукописного текста) документа состояла из трех разделов («Разделение государства», «Репрезентация или Депутация народная», «Права народные») и, в отличие от оригинального текста Польской конституции, не имела разбивки на статьи³⁹. Все это позволяет утверждать, что данный документ являлся не просто копией какой-то части «Конституционной хартии Царства Польского», а был создан в ре-

³⁷ См.: Бёдекер 2010(а). С. 55.

³⁸ См. подробнее: Скиннер 2004. С. 63–65; Дмитриев 2004. С. 11–12.

³⁹ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 10–10 об.

зультате сознательного отбора наиболее важных, с точки зрения его составителя, положений.

Содержательно, большую часть листовки занимал раздел «права народные». В нем были перечислены принципы верховенства закона, неприкосновенности собственности и свободы личности: «Всякого состояния поляки в отношении закона суть равные. Все равно пользуются личною свободою. Ни один поляк не судим и преследован быть не может, токмо в случае и по обряду учрежденному законом. Наказание конфискации имений навсегда уничтожается и превращено быть не может. Дом всякого жителя польской земли есть убежище неприкосновенное: никто не имеет права войти в оной, разве токмо по причине законом указанной»⁴⁰. В такой краткой форме, используя оригинальный текст «Конституционной хартии Царства Польского», авторы листовки объясняли потенциальным читателям, что следует считать главной функцией «конституции». Все остальные ее положения должны были лишь обеспечить реализацию указанных прав и свобод граждан. Именно поэтому в документе отсутствовало подробное описание многоуровневой системы государственного управления, но упоминалось о принципе выборности в Сейм «депутации народной» из числа дворян, «...вносящих подати 100 злотых»⁴¹. Предполагалось, что участие выбранных таким образом депутатов может стать дополнительной гарантией соблюдения прав личности на свободу, собственность и безопасность.

Используя принцип контекстуализации, важно отметить, что составители листовки не призывали к каким-либо решительным действиям. Напротив, их цель состояла в распространении информации о содержании конституции недавно присоединенного к Российской империи Царства Польского, которая была дарована верховной властью, и, предположительно, могла стать образцом для составления общероссийской конституции. В данном случае использование понятий «закон» и «свобода» отражает стремление способствовать реализации в России провозглашенного правительством курса на либерализацию экономических и социально-политических отношений.

Однако примерно в это же время возникают тексты, авторы которых, прикрываясь модной либеральной риторикой, создавали «тайные общества» для совершения противоправных действий и получения прямой материальной выгоды. При этом для привлечения наибольше-

⁴⁰ Там же. Л. 10 об.

⁴¹ Там же. Л. 10.

го количества членов, как правило, активно использовались эмоционально ярко окрашенные и противоположные по своему значению понятия, такие как, например, «свобода» и «рабство».

Одним из таких «тайных обществ» было организованное майором астраханского гарнизонного полка Александром Кучевским (Кученовским) и бригадным писарем О. Пружковским общество «Двойной союз, вечный и непоколебимый Тайлера и Александра»⁴², о существовании которого власти узнали из доноса одного из его членов рядового Петра Львова. Из материалов следствия по данному делу известно, что майор Кучевский, сознательно преувеличивая масштабы и степень политического влияния тайного общества на положение в стране, объяснял его членам главную цель организации следующим образом: «...общество состоит из нескольких миллионов простых и многих тысяч знатных членов единственно для того, чтобы Российским людям сделать свободу и прекратить рабство. Дабы ни царей, ни господ не было»⁴³. Призывая к достижению указанных целей, руководитель тайного общества ориентировался на малограмотных людей, для которых идея «освобождения от рабства» и уравнительного распределения была близка и понятна. С этих позиций, принципиально важные положения устава общества, характеризующие истинные намерения А. Кучевского, были связаны с признанием физического насилия в качестве приемлемого способа достижения поставленных целей. «Ничто так не чувствительно, как употреблять все меры для получения свободы», – писал Кучевский, подчеркивая, что «как бы оныя меры не были жестоки, но они по существу своему и цели не менее должны быть святы и достойны исполнения»⁴⁴. Следуя данной установке, члены общества нередко совершали кражи и грабежи, а все полученное таким способом они обязаны были приносить Кучевскому. Более того, каждый из них должен был добровольно пожертвовать собственным «капиталом» и имуществом. Если кто-то этого не делал, то с ним следовало «...поступать как с отступниками Законов Божиих»⁴⁵. Все эти обстоятельства позволяют утверждать, что главной целью Кучевского и его ближайших помощников было личное обогащение, а тайное общество, организованное им под лозунгом борьбы за «свободу от рабства», было лишь удобным средством ее достижения.

⁴² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 33. Л. 1 об.

⁴³ Там же. Л. 2 об.

⁴⁴ Там же. Л. 1 об.

⁴⁵ Там же. Л. 3 об.

Приведенные выше примеры позволяют утверждать, что на уровне практических действий с помощью понятий «закон» и «свобода» могли обосновываться противоположные по своей идейной направленности действия. Таким образом, применение принципа контекстуализации и рассмотрение процесса создания текста исторического источника как целенаправленного действия способствует выявлению внутренних противоречий в представлениях и действиях людей прошлого.

В совокупности, предлагаемый вариант интеграции основных положений немецкой и англосаксонской школы истории понятий может стать эффективным инструментом исследования сложного и всегда внутренне противоречивого процесса эволюции общественного сознания. Комплексное использование в конкретно-историческом исследовании принципов *контекстуализации, системности, жанрового многообразия используемых текстов, сочетания синхронного и диахронного подхода*, поможет понять глубинные причины того, что одни и те же идеи, как в разных странах, так и внутри одной страны, могли восприниматься фрагментарно, или напротив – дополняться новыми смысловыми акцентами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев А.А.* Из истории общественно-политической лексики русского языка XVIII века. Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1972.
- Андреева Т.В.* Формирование общества как социального института, эволюция политических понятий «общество» и «общественное мнение» в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Мат-лы всеросс. научн. конф. 6–7 декабря 2006 г. СПб, 2007. С. 7–22.
- Бёдекер Х.* Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история метафор / Сб. ст. под ред. Х. Э. Бёдекера / Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 5–17.
- Бёдекер Х.* Размышление о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. Сб. ст. под ред. Х. Э. Бёдекера / Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010(а). С. 34–65.
- Бокова В.М.* «Ликурговы законы» Павла Пестеля // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. / Отв. ред. О. И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 215–227.
- Будагов Р. А.* История слов в истории общества. М.: Просвещение, 1971. - 270 с.
- Герман К.* Всеобщая теория статистики для обучающихся сей науке, изданная от главного правления училищ, СПб., 1809.
- Герман К.* Материалы для российской статистики // Статистический журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1. С. 72-93.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 25.

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 33.
- Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX в.: традиции и новации. М.: Наука, 2003. 517 с.
- Дмитриев А. Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 6–16.
- Дубина В. Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «истории понятий» в России. Послесловие // История понятий, история дискурса, история метафор / Сб. статей под ред. Х.Э. Бёдекера. Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 298–320.
- Жуковская Т.Н. Дворянский либерализм при Александре I: споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х годов. Петрозаводск., ПетрГУ, 2002. – 44 с.
- Ингерфлом К. Историографический миф о верности государству при Петре Великом. Опыт применения Begriffsgeschichte к русской истории // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред. В.М. Живов, Ю.В. Каргалицкий. – М.: Языки славянских культур, 2012. С. 252–278.
- Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: Сб. науч. работ. СПб.: изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2006. – 256 с.
- История понятий, история дискурса, история метафор. / Сб. статей под ред. Х.Э. Бёдекера. Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 328 с.
- Каменев Е.В. Понятие закон в мировоззрении декабристов // Россия XXI. 2013. №6. С.74–103.
- Каразин В.Н. Речь о необходимости в настоящих обстоятельствах усилить домоводство // Вестник Европы. 1813. Ч. LXVII. № 1–2. С. 3–35.
- Каченовский М. О книжной цензуре в России // Вестник Европы. 1805. Ч. XIX. № 3, февр. С. 199–204.
- Киселев М.А. Правда и закон во второй половине XVII первой четверти XIX века: от монарха судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 49–65.
- Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. Сб. статей под ред. Х.Э. Бёдекера / Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.
- Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 226–241.
- Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. научн. работ. СПб.: изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2006. С. 33–53.
- Козеллек Р. Теория и метод определения исторического времени // Логос: журнал по философии и прагматике культуры. 2004.(а) № 5(44). С. 97–130.
- Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. научн. работ. (Источник. Историк. История: Вып. 5). СПб.: изд-во Европ. ун-та в СПб; Алетейя, 2006. С. 9–32.

- Кром М.М.* Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. научн. работ. СПб.: изд-во Европ. ун-та в СПб; Алетейя, 2006. С. 54–69.
- Кром М.М.* Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю? Сб. ст. М.: РОССПЭН, 2013. С. 116–117.
- Кром М.М., Пименова Л.А.* Феномен реформ в Европе раннего нового времени // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVII вв.): Сб. ст. СПб.: изд-во Европ. ун-та в СПб, 2013. С.7–14.
- Куницын А. П.* Право естественное Ч. 1. СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818.
- Марасинова Е.Н.* Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. – 460 с.
- Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М.: РОССПЭН, 1999. – 302 с.
- Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И.* «Понятия о России» к исторической семантике имперского периода. Предисловие //«Понятия о России» к исторической семантике имперского периода. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 5–46.
- Миллер А.И.* «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С. 151–165.
- Начертание статистики российского государства, составленное главного педагогического института адъюнкт-профессором Константином Арсеньевым. Ч. 2: О состоянии правительства. СПб.: тип. Императорского воспитательного дома, 1819.
- Одесский М.П.* Вольнодумный тезариус декабристов. Révolution–революция–переворот–превращение // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы / Отв. ред. О. И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 494–502.
- Остин Дж.* Три способа пролить чернила. Философские работы. СПб.: СПб.: Алетейя; Санкт-Петербургский университет, 2006 – 333 с.
- Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. – 432 с.
- Полное собрание законов российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXII, 1785. № 16.188.
- Понятие государства в четырех языках: Сб. ст. / Под ред. О. Хархордина. – М.; СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002 – 216 с.
- «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т.1. – 576 с.; Т.2.– 496 с.
- Роцин Е.* История понятий Квентина Скиннера // Полис. 2006. № 3. С. 150–158.
- Роцин Е.* История понятий: новый старый подход общественных наук // Политическая наука. 2009. № 4. С. 43–58.
- Скиннер К.* Коллингудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 55–66.
- Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1.: А–Д. СПб., 1806.
- Тимофеев Д.В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. – 456 с.

- Тимофеев Д.В. «Гражданин» и «государство» в России первой четверти XIX века: к истории понятий // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 98–107.
- Тимофеев Д.В. Трактовка понятий «государство», «гражданин» и «гражданские права» в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 10. (191). История. Вып. 39. С. 20–29.
- Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 123–162.
- Хархордин О. История понятий как метод истории практик // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред В.М. Живов, Ю.В. Каргалицкий. – М.: Языки славянских культур, 2012. С. 7–23.
- Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред В.М. Живов, Ю.В. Каргалицкий. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 328 с.
- Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972–1993. Bd. 1–8.
- Kosellek R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten.- Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag. STW, 1989.
- Pocock J. G. A. Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History. London, 1972.
- Schierle Ingrid. «For the Benefit and Glory of the Fatherland»: the concept of Otechestvo // Eighteenth-century Russia: society, culture, economy. Papers from the VII international conference of the study group on Eighteen-century Russia, Wittenberg 2004. Berlin, 2007. P. 283–295.
- Schierle Ingrid. «Syn otečestva»: Der, «wahre Patriot» // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln, 2006. P. 347–367.

REFERENCES

- Alekseev A.A. Iz istorii obshchestvenno-politicheskoi leksiki russkogo yazyka XVIII veka. Diss.... kand. ist. nauk. L., 1972.
- Andreeva T.V. Formirovanie obshchestva kak sotsial'nogo instituta, evolyutsiya politicheskikh ponyatii «obshchestvo» i «obshchestvennoe mnenie» v kontse XVIII – pervoi treti XIX vv. // Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii: istoriya, istochniki, istoriografiya. Mat-ly vseross. nauchn. konf. 6–7 dekabrya 2006 g. SPb, 2007. S. 7–22.
- Bedeker Kh. Otrazhenie istoricheskoi semantiki v istoricheskoi kul'turologii // Is-toriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya metafor / Sb. st. pod red. Kh. E. Bedekera / Per. s nem. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 5–17.
- Bedeker Kh. Razmyshlenie o metode istorii ponyatii // Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya metafor. Sb. st. pod red. Kh. E. Bedekera / Per. s nem. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010(a). S. 34–65.
- Bokova V.M. «Likurgovy zakony» Pavla Pestelya // Dekabristy: aktual'nye problemy i novye podkhody. / Отв. ред. О. I. Kiyanskaya. М.: RGGU, 2008. S. 215–227.
- Budagov R. A. Istoriya slov v istorii obshchestva. М.: Prosveshchenie, 1971. - 270 s.
- German K. Vseobshchaya teoriya statistiki dlya obuchayushchikh sei nauke, izdannaya ot glavnogo pravleniya uchilishch. SPb., 1809.
- German K. Materialy dlya rossiiskoi statistiki // Statisticheskii zhurnal. 1806. T. 1. Ch. 1. S. 72-93.
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 1165. Op. 1. Ed. khr. 25.

- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 109. Op. 229. Ed. khr. 33.
- Grosul V.Ya. Russkoe obshchestvo XVIII–XIX v.: traditsii i novatsii. M.: Nauka, 2003 – 517 s.
- Dmitriev A. Kontekst i metod (predvaritel'nye soobrazheniya ob odnoi stanovya-shcheysia issledovatel'skoi industrii) // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004. № 66. S. 6–16.
- Dubina V. Iz Bilefel'da v Kembridzh i obratno: puti utverzhdeniya «istorii ponya-tii» v Rossii. Posleslovie // *Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya me-tafor* / Sb. statei pod red. Kh.E. Bedekera. Per. s nem. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 298–320.
- Zhukovskaya T.N. Dvoryanskii liberalizm pri Aleksandre I: spory o konstitutsiyakh i «rabstve» v russkikh zhurnalakh 1800–1810-kh godov. Petrozavodsk; PetrGU, 2002. – 44 s.
- Ingerflom K. Istoriograficheskii mif o vernosti gosudarstvu pri Petre Veli-kom. Opyt primeneniya Begriffsgeschichte k russkoi istorii // *Evolutsiya ponya-tii v svete istorii russkoi kul'tury* / Otv. red. V.M. Zhivov, Yu.V. Kargalits-kii. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. S. 252–278.
- Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–KhKh veka: Sb. nauch. rabot. SPb.: izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge; Aleteiya, 2006. – 256 s.
- Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya metafor. / Sb. statei pod red. Kh.E. Bedekera. Per. s nem. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 328 s.
- Kamenev E.V. Ponyatie zakon v mirovozzrenii dekabristov // *Rossiya KhKhI*. 2013. №6. S.74–103.
- Karazin V.N. Rech' o neobkhodimosti v nastoyashchikh obstoyatel'stvakh usilit' domo-vozdstvo // *Vestnik Evropy*. 1813. Ch. LXVII. № 1–2. S. 3–35.
- Kachenovskii M. O knizhnoi tsenzure v Rossii // *Vestnik Evropy*. 1805. Ch. XIX. № 3, fevr. S. 199–204.
- Kiselev M.A. Pravda i zakon vo vtoroi polovine XVII pervoi chetverti XIX veka: ot monarkha sud'i k monarkhu-zakonodatelyu // «Ponyatiya o Rossii»: k istoriche-skoi semantike imperskogo perioda. T. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. S. 49–65.
- Kozellek R. K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitii ponya-tii // *Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya metafor*. Sb. statei pod red. Kh.E. Bedekera / Per. s nem. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 21–33.
- Kozellek R. Mozhem li my rasporyazhat'sya istoriei? (Iz knigi «Proshedshee budu-shchee. K voprosu o semantike istoricheskogo vremeni») // *Otechestvennye zapiski*. 2004. № 5. S. 226–241.
- Kozellek R. Sotsial'naya istoriya i istoriya ponyatii // *Istoricheskie ponyatiya i poli-ticheskie idei v Rossii XVI–XX veka: sb. nauchn. rabot*. SPb.: izd-vo Evropei-skogo un-ta v Sankt-Peterburge; Aleteiya, 2006. S. 33–53.
- Kozellek R. Teoriya i metod opredeleniya istoricheskogo vremeni // *Logos: zhurnal po filosofii i pragmatike kul'tury*. 2004.(a) № 5(44). S. 97–130.
- Koposov N.E. Istoriya ponyatii vchera i segodnya // *Istoricheskie ponyatiya i poli-ticheskie idei v Rossii XVI–XX veka: sb. nauchn. rabot*. (Istochnik. Istoriik. Is-toriya: Vyp. 5). SPb.: izd-vo Evrop. un-ta v SPB; Aleteiya, 2006. S. 9–32.
- Krom M.M. Rozhdenie «gosudarstva»: iz istorii moskovskogo politicheskogo dis-kursa XVI veka // *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–KhKh veka*.

- Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka: sb. nauchn. rabot. SPb.: izd-vo Evrop. un-ta v SPB; Aleteiya, 2006. S. 54–69.
- Krom M.M. Ispolzovanie ponyatii v issledovaniyakh po istorii dopetrovskoi Rusi: smena vekh i novye orientiry // *Kak my pishem istoriyu?* Sb. st. M.: ROSSPEN, 2013. S. 116–117.
- Krom M.M., Pimenova L.A. Fenomen reform v Evrope rannego novogo vremeni // *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVII vv.)*: Sb. st. SPb.: izd-vo Evrop. un-ta v SPB, 2013. S.7–14.
- Kunitsyn A. P. Pravo estestvennoe Ch. 1. SPb.: Tip. Ios. Ioannesova, 1818.
- Marasino EN. Vlast' i lichnost'. Ocherki russkoi istorii XVIII veka. M.: Nauka, 2008. – 460 s.
- Marasino E.N. Psikhologiya elity rossiiskogo dvoryanstva poslednei treti XVIII veka. (Po materialam perepiski). M.: ROSSPEN, 1999. – 302 s.
- Miller A.I., Sdvizhkov D.A., Shirle I. «Ponyatiya o Rossii» k istoricheskoi seman-tike imperskogo perioda. Predislovie //«Ponyatiya o Rossii» k istoricheskoi semantike imperskogo perioda. T. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. S. 5–46.
- Miller A.I. «Narodnost'» i «natsiya» v russkom yazyke XIX veka: podgotovitel'nye nabroski k istorii ponyatii // *Rossiiskaya istoriya*. 2009. № 1. S. 151–165.
- Nachertanie statistiki rossiiskogo gosudarstva, sostavlennoe glavnogo pedagogicheskogo instituta ad'yunkt-professorom Konstantinom Arsen'evym. Ch. 2: O sostoyanii pravitel'stva. SPb.: tip. Imperatorskogo vospitatel'nogo doma, 1819.
- Odesskii M.P. Vol'nodumnyi tezarius dekabristov. Révolution–revolyutsiya–perezovorot–prevrashchenie // *Dekabristy: aktual'nye problemy i novye podkhody* / Otv. red. O. I. Kiyanskaya. M.: RGGU, 2008. S. 494–502.
- Ostin Dzh. Tri sposoba prolit' chernila. Filosofskie raboty. SPb.: SPb.: Ale-teiya; Sankt-Peterburgskii universitet, 2006 – 333 s.
- Ocherki istoricheskoi semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni. M.: Yazy-ki slavyanskikh kul'tur, 2009. – 432 s.
- Polnoe sobranie zakonov rossiiskoi imperii, s 1649 goda. SPb., 1830. T. XXII, 1785. № 16.188.
- Ponyatie gosudarstva v chetyrekh yazykakh: Sb. st. / Pod red. O. Kharkhordina. – M.; SPb.: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, 2002 – 216 s.
- «Ponyatiya o Rossii»: k istoricheskoi semantike imperskogo perioda. V 2 t. M.: No-voe literaturnoe obozrenie, 2012. T.1. – 576 s.; T.2.– 496 s.
- Roshchin E. Istoriya ponyatii Kventina Skinnera // *Polis*. 2006. № 3. S. 150–158.
- Roshchin E. Istoriya ponyatii: novyi staryi podkhod obshchestvennykh nauk // *Politicheskaya nauka*. 2009. № 4. S. 43–58.
- Skinner K. Kollingvudovskii podkhod k istorii politicheskoi mysli: stanovlenie, vyzov, perspektivy // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004. № 66. S. 55–66.
- Slovar' Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poryadku raspolozhenni. Ch. 1.: A–D. SPb., 1806.
- Timofeev D.V. Evropeiskie idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiiskogo poddannogo pervoi chetverti XIX veka. Chelyabinsk: Entsiklo-pediya, 2011. – 456 s.
- Timofeev D.V. «Grazhdanin» i «gosudarstvo» v Rossii pervoi chetverti XIX veka: k istorii ponyatii // *Voprosy istorii*. 2009. № 5. S. 98–107.
- Timofeev D.V. Traktovka ponyatii «gosudarstvo», «grazhdanin» i «grazhdanskie prava» v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiiskogo pod-dannogo

- pervoi chetverti XIX veka // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 10. (191). Istoriya. Vyp. 39. S. 20–29.
- Friz G.L. Soslovnaya paradigma i sotsial'naya istoriya Rossii // Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period: Antologiya. Samara, 2000. S. 123–162.
- Kharkhordin O. Istoriya ponyatii kak metod istorii praktik // Evolyutsiya ponyatii v svete istorii russkoi kul'tury / Otv. red V.M. Zhivov, Yu.V. Kargalitskii. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. S. 7–23.
- Evolutsiya ponyatii v svete istorii russkoi kul'tury / Otv. red V.M. Zhivov, Yu.V. Kargalitskii. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. – 328 s.
- Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972–1993. Bd. 1–8.
- Kosellek R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. - Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag. STW, 1989.
- Pocock J. G. A. Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History. London, 1972.
- Schierle Ingrid. «For the Benefit and Glory of the Fatherland»: the concept of Otechestvo // Eighteenth-century Russia: society, culture, economy. Papers from the VII international conference of the study group on Eighteenth-century Russia, Wittenberg 2004. Berlin, 2007. P. 283–295.
- Schierle Ingrid. «Syn otečestva»: Der, «wahre Patriot» // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln, 2006. P. 347–367.

Тимофеев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; dmitrtrim@yandex.ru

Methodology of the history of concepts in the context of the history of pre-revolutionary Russia: prospects and application of principles

This article discusses methodological grounds of the history of concepts in the context of solving the problem of adequate understanding of the past, recorded in the texts of historical sources. The article presents the analysis of the topics and trends in modern historiography, where researchers are turning to the methodology of the history of concepts. Through the integration of the main provisions of the German and Anglo-Saxon school of the "history of concepts", the author offers specific principles of historical research on the history of Russia.

Keywords: methodology of history; history of concepts; the European ideas to Russia, history of political thought of Russia; the basic sociopolitical concepts.

Dmitry Timofeev, Dr.Sc. (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; dmitrtrim@yandex.ru